

18+

МОНАРХ ТЕНЕЙ

КОД УНИВЕРСАЛА

Монарх Теней

Код универсала

<https://litres.ru/74147959>

ISBN 9785006996151

Аннотация

Восемь лет анабиоза. Дым, деньги, иллюзия успеха. А потом — сбой в матрице, Золотой Алтарь и протоколы ЦРУ, которые доказывают: реальность пластична. Эта книга — не мемуары. Это протокол взлома собственного тела и сознания. Холодно. Честно. Без права на ошибку.

Код универсала

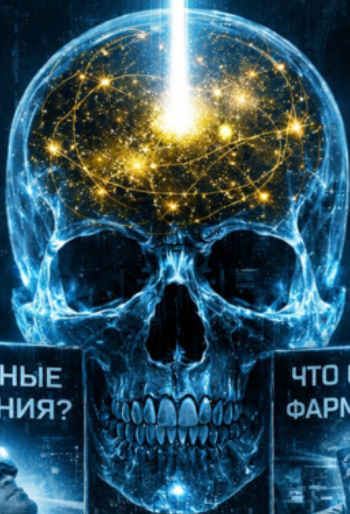
Монарх Теней

© Монарх Теней, 2026

ISBN 978-5-0069-9615-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОД УНИВЕРСАЛА

ОСОЗНАННЫЕ
ПОГРУЖЕНИЯ?

РАСЕКРЕЧЕНО НАСА

ЧТО СКРЫВАЮТ
ФАРМГИГАНТЫ?

РАСЕКРЕЧЕНО ЦРУ

РАЗБЛОКИРУЙ ВСЕ ТАЙНЫ

Код Универсала

Почему тебе стоит дочитать эту книгу до конца

Ты открыл эту книгу. Возможно, случайно. Возможно, по рекомендации. Возможно, потому что зацепился за слово «Код» или за обещание секретов ЦРУ. Не важно. Важно то, что ты сейчас стоишь на пороге, и у тебя есть выбор: хлопнуть или нырнуть.

Я не буду врать — это не лёгкое чтение. Здесь нет мотивационных лозунгов, пошаговых инструкций к успеху и уютных историй о том, как «всё наладилось». Здесь есть холод, дым, бессонница, химия, срывы, тряска в сонном параличе и три дня, прожитые внутри двух часов.

Но здесь есть кое-что ещё.

Здесь есть Глаз. Тот самый, который видят единицы. Здесь есть Золотой Алтарь — место, где реальность течёт горизонтальными реками, а по бокам стоят существа размером с планеты. Здесь есть протокол, который переписывает твою биологию, если ты готов пить уксус, глотать магний и смотреть в лицо собственной слабости без желания отвернуться.

Почему тебе стоит дочитать?

Потому что если ты сейчас чувствуешь, что мир слишком мал для твоего масштаба, а каждый день похож на предыдущий — ты уже в анабиозе. Ты уже восемь лет спишь с открытыми глазами. И эта книга — не волшебная таблетка. Она — трещина в системе, которая держит тебя в комфортной клетке.

Кто-то прочитает первые три главы и закроет, сказав: «очередной шизофреник». Кто-то дойдёт до середины и испугается, узнав себя в дофаминовой яме. Кто-то сорвётся на главе о сигаретах, потому что больно признавать правду. И только единицы дойдут до конца — до заключения, где я, обычный человек из холодной комнаты, сижу за своим Ryzen и жду тех, кто готов задать вопрос: «А что, если я тоже могу?»

Ты можешь. Но не поверишь, пока не прочитаешь то, что случилось со мной.

Я не гуру. Не мессия. Я — конструктор. И я оставил порт открытым.

Вопрос только в том, закроешь ли ты эту книгу сейчас или дочитаешь до последней страницы, чтобы потом уже никогда

не быть прежним.

Выбор за тобой.

— —

Глава 1. Приручение Тени

Ночь. Обычная детская спальня, пропитанная липким, как патока, страхом. Мне семь лет. Я снова просыпаюсь от того, что меня убили.

Сердце колотится где-то в горле — огромное, мокрое, мешающее дышать. Простыня промокла насквозь, будто меня только что вытащили из реки. В углу комнаты, там, где старый шкаф навсегда сросся с тенью, я вижу его. Монстра из «Могучих рейнджеров». Только сейчас он не пластмассовый, не картонный и не смешной. Он настоящий. Он дышит — я слышу этот низкий, вибрирующий звук, от которого закладывает уши. И он пришёл за мной.

Раньше я бы закричал. Раньше я бы рванул к маминой спальне, даже не касаясь ногами пола, лишь бы она включила свет и разогнала этот кошмар. Но сегодня во мне что-то щёлкнуло. Тихо, отчётливо, как взводимый курок.

Я вдруг понял: бежать больше некуда. Смерть во сне стала для меня слишком привычной, чтобы я продолжал её бояться наяву.

Я сел в кровати. Мокрые пальцы вцепились в край одеяла, но я заставил себя смотреть прямо в темноту. Мой детский разум, измученный ночными казнями, внезапно выдал решение, которое не имело ничего общего с логикой.

Я не стал звать полицию. Я не стал звать родителей.

Я вызвал Его.

Образ Супермена всплыл в голове не картинкой из мультика — он пришёл физическим ощущением, разлившимся в груди. Я почувствовал, как плечи расправляются сами собой. Позвоночник становится прямым, как стальной стержень. Внутри разлилась тяжесть — спокойная, плотная, как свинец. Я не думал о силе. Я думал об искренности и полном отсутствии зла. Вот что стало моей броней.

Я посмотрел монстру в глаза.

Я не просто смотрел. Я подчинял.

В ту секунду я впервые понял, что взгляд может быть тя-

желее руки. Монстр замер. Его форма, такая угрожающая минуту назад, вдруг начала «лагать» — словно плёнка заела в проекторе. Дернулась тень, сбилось дыхание. Он был порождением хаоса, а я в ту секунду стал воплощением Порядка.

Я понял главное: если я не боюсь умереть, у него нет надомной власти.

В ту ночь я впервые почувствовал это — архи-спокойствие. Оно не было похоже на усталость или оцепенение. Оно было прозрачным, холодным и бесконечным. Монстр не исчез сразу. Он просто стал... нелепым. Неуклюжей декорацией, которую я разглядел слишком пристально.

Я протянул руку в темноту — туда, где он замер — и мысленно приказал ему замолчать.

И в комнате воцарилась тишина. Не та, которую оставляют после себя родители, выключив телевизор. А та, настоящая, первозданная, которую я не слышал никогда прежде. Тишина без страха.

Кошмары прекратились. В семь лет я убил в себе жертву и стал Архитектором своего пространства. Тогда я не знал ещё, что та ночь была только первым этажом здания, которое

мне предстояло построить. И что тени, которых я научился умирять в спальне, однажды захотят поговорить со мной на равных.

Но это случится позже. А пока я просто сидел на кровати, чувствуя, как высыхает на спине пот, и впервые за долгое время улыбался темноте.

— —

Глава 2. Маяк в злой среде

Прошло несколько лет. Я больше не тот ребенок, который просыпается в холодном поту от монстров из шкафа. Но я оказался в ловушке другой тьмы — настоящей, уличной, липкой. Реальности.

Мой двор, моя улица, всё окружение были пропитаны тем, что я позже назвал «злой средой». Здесь не было Суперменов. Здесь были волки. И волчья стая жила по своим законам: ложь здесь считалась не грехом, а аргументом; воровство — не преступлением, а ловкостью; хитрость — не подлостью, а единственным способом не быть съеденным.

Мой мозг, который уже тогда работал на предельных скоростях, впитал этот «уличный код» мгновенно. Я проеци-

ровал законы выживания на всё вокруг. Я воровал. Я лгал. Я строил свои мелкие комбинации, наслаждаясь тем, как механизм поддается, когда знаешь нужный рычаг. Я чувствовал себя умнее системы. Я чувствовал себя хозяином положения.

Но внутри меня рос конфликт. Мой интеллект требовал масштаба, горизонта, воздуха. А среда предлагала только грязную возню, только обмен ударами на уровне подворотни. Я был голоден по-настоящему, но не знал ещё — по чему.

И тогда в моей жизни появился Он. Мой Наставник. Мой настоящий отец.

Наши отношения выстраивались тяжело, и виноват в этом был только я. Я приносил в его чистый, упорядоченный мир свои грязные привычки, как собака приносит в дом мокрые кости. Я сопротивлялся каждому его слову, потому что боялся стать уязвимым. Потому что в моей прежней вселенной уязвимость означала смерть.

Я смотрел на его честность и видел слабость. Я смотрел на его уроки и видел попытку ограничить мою «свободу» хищника. Мне казалось, что он хочет посадить меня в клетку. Я ещё не понимал, что он хотел открыть дверь в мир, где клетки просто не существует.

Но он видел то, чего не видел я сам. Он видел мой потенциал. Сквозь грязь, сквозь враньё, сквозь мои уличные фокусы — он различал силу, которая не знала, куда себя деть. И он терпеливо ждал.

Пока я воровал и лгал, он методично, шаг за шагом, подпитывал мой интеллект силой. Он не читал мне нотации — он открывал предо мной карты древних сражений. Он влюбил меня в гений Александра Македонского, который к двадцати годам знал, что мир слишком мал для него. Он показал мне железную дисциплину спартанцев — не жестокость, а ту самую внутреннюю броню, которую я когда-то смутно почувствовал в своей детской спальне.

Он делал невероятную вещь: он загружал в моё подсознание «код высокого порядка» в то время, как моё сознание ещё цеплялось за уличную грязь. Он рассказывал мне об империях, которые рушились из-за эго, и о лидерах, которые меняли ход истории силой своего разума. Он не запрещал мне быть сильным — он расширял само понятие силы.

Я сопротивлялся всему. Я спорил до хрипоты, я уходил, хлопая дверью, я снова возвращался на улицу и снова совершал те же ошибки. Но каждый раз, когда я возвращался — а я возвращался всегда — его разум был непоколебим. Его

спокойствие было того же рода, что я впервые узнал в семь лет, только теперь оно обрело голос, книги и мудрость.

Он стал моим Маяком.

Я не сразу это понял. Сначала я просто чувствовал стыд. Острый, жгучий стыд, когда сравнивал «хитрость вора» с «величием стратега». Я вдруг увидел, как мелочны были мои победы. Как смешны были мои комбинации перед лицом битв, решивших судьбы народов. Он не унижал меня — он просто показывал масштаб. И этого оказалось достаточно.

В те годы, в тихой комнате, заваленной книгами по истории, родилась моя настоящая броня. Я понял то, что не мог объяснить словами: искренность — это не слабость. Это самая мощная технология в мире. Честность перед самим собой, честность перед тем, кто выше тебя, — она превращает хаос в порядок. Она делает тебя неуязвимым, потому что тебе больше нечего прятать.

Мой Наставник не просто учил меня истории. Он строил мой внутренний Алтарь. Камень за камнем. Книгу за книгой. Терпение за терпением. Он делал это так искусно, что я даже не замечал стройки. Я думал, что просто слушаю интересные рассказы. А на самом деле — я становился.

Он строил меня, пока я спал.

— —

Глава 3. Задрот с амбициями бога

Темная комната. Запах пыли, перегретого пластика и застоявшегося времени. Мне пятнадцать, потом шестнадцать — годы смешиваются в один бесконечный рейд. Пока мои сверстники гуляют, пьют или строят карьеру, я сижу в World of Warcraft. Я выбрал Друида-Ферала — кота. Почему? Потому что это самый геморройный класс. Чтобы на нем просто не сдохнуть, нужно пианинить по кнопкам со скоростью пулемета. Это был мой способ доказать себе, что мой мозг работает быстрее, чем у этих «нормальных» людей снаружи. Моя личная Олимпиада в тесной клетке.

Я думал, что я крут. Думал, что мои пальцы — это клинки, а реакция — щит, который не пробить. Я был королем мусорной кучи, властелином задворок.

Пока в одной дуэль-зоне меня не размазали по текстурам за десять секунд.

Какой-то парень просто вытер об меня ноги. Даже не вспотел. И бросил в чат фразу, которая вошла в мой позвоночник

раскаленным гвоздем: «Ты слаб. Ты худший ферал, которого я видел».

В этот момент во мне проснулась та самая психотическая сторона. Это была не обида — обида удел слабых. Это было бешенство древнего зверя, которого сунули носом в его же дерьмо. Я не мог принять, что в этой сраной игре, в этом искусственном мире из нулей и единиц, есть кто-то, кто эффективнее меня. Тот, кто заставил мою систему дать сбой.

Моя апатия испарилась в ту же секунду. Появилась цель. Цель, граничащая с безумием.

Я нашел в рейтинге лучшего игрока планеты на этом классе. Чувака, чье имя заставляло топ-гильдии затыкаться и расступаться. Чувака, который играл так, будто заключил сделку с дьяволом на скорость синапсов.

Я стал его проклятием.

Три месяца. Три месяца я не жил. Я существовал в режиме процессора, который забыли выключить. Спал урывками — по два-три часа, вырывая сознание из кошмаров только для того, чтобы снова уставиться в монитор. Я ждал его появления в сети, как маньяк ждет жертву. Я писал ему, вызывал на дуэли, навязывался, наслаивался на его игровой день,

как вирус.

Он убивал меня. Сотни раз. Счет был 0:10, 0:50, 0:100. Каждое поражение было маленькой смертью, которую я записывал в архив. Любой нормальный человек бросил бы. Но я не нормальный. Я не умею проигрывать системе — я переписываю систему под себя.

И каждый раз, когда мой персонаж падал, лицом в грязь пиксельной земли, я не злился на него. Злость — это топливо для дураков. Я анализировал. Я смотрел его записи под микроскопом, покадрово, забираясь в чужую механику, как вор в святая святых. И я увидел то, что скрыто за его «божественной» игрой.

Я увидел лишние движения.

Этот парень был слишком уверен в себе. Его эго, раздутое годами побед, заставляло его рисоваться, делать красивые финты там, где нужно было просто ударить. Он был художником, который забыл, что иногда достаточно одного мазка. Эти миллисекунды пафоса — паузы, в которые он мысленно аплодировал себе — стали моей зацепкой.

Я понял главное: я не догоню его по скорости пальцев. За ним были годы безупречной практики, пока я шлялся по

улицам, воровал и играл в свои грязные игры. Но я могу переиграть его по логике. Я могу взломать его гениальность через дыру, которую прожрало его собственное величие.

Я пересмотрел всё. Я выкинул стандартные таланты, над которыми смеялись все форумы. Я создал «медленного ко-та». Тактику, которая не давала ему убить меня за минуту. Я начал затягивать игры до тошноты, превращая каждую дуэль в позиционную войну, в окопы, где его скорость разбивалась о мою вязкость.

Я изматывал его. Заставлял его эго беситься от того, что «какой-то нуб» всё ещё жив, всё ещё дышит, всё ещё царапает его идеальную статую. Я завел его в свои воды — в болото, где скорость не спасает, а топит. И его автоматика начала давать сбои. Великий механизм дал трещину.

Спустя эти три месяца ада, когда я уже знал каждое его движение лучше, чем свои собственные, он сдался. Не в бою. В признании.

Он перенял мою тактику. Он изменил свой билд под мой. Он — тот, кого считали неприкасаемым — начал красть у меня куски кода. И однажды ночью, после очередной дуэли, где я снова не дал себя убить, он написал в чат: «Ты — лучший, с кем я дрался».

Я закрыл ноутбук.

Крышка щелкнула, как крышка гроба. В комнате было тихо и пусто. Только вентилятор ноутбука медленно затихал, остывая после трехмесячного безумия. Я сидел в темноте, смотрел на свое отражение в черном экране и чувствовал... ничего.

Я победил «бога». Разобрал его механику, проник в его эго, переписал правила игры. Но вместо радости я почувствовал только одно: пустоту. Глухую, звенящую пустоту. Эта игра для меня закончилась. Я выжал из нее всё, что можно было выжать, и остался с привкусом пепла на губах.

Мне нужен был новый враг. Настоящий.

Я посмотрел в глаза своему отражению. Темные круги, проваленные щеки, но взгляд — стальной, спокойный, тот самый холод из детства. Я узнал его.

И в ту секунду я понял: этим врагом стану я сам.

— —

Глава 4. Корпорация Хаоса: 125 винтиков

Победа над лучшим фералом дала мне опасное знание: я могу взломать любого одиночку, если вцеплюсь ему в глотку и не отпущу три месяца. Это был наркотик. Но, как любой наркотик, он переставал работать, когда доза становилась привычной.

Мой мозг требовал новой сложности. Дуэли, даже с богами, стали слишком мелкими. Слишком локальными. Слишком человеческими. Мне захотелось управлять не просто персонажем, не просто пальцами и реакцией. Мне захотелось управлять живым механизмом. Организмом, который дышит, ошибается, бунтует — но в конечном счете подчиняется.

Я решил создать гильдию. Не клуб по интересам, не чат для болтовни. Артерию, которая перекачивает кровь из старых, зажавшихся топов в мою новую систему. Я хотел посмотреть: смогу ли я превратить хаос в порядок в масштабе, где у меня нет прямого контроля над каждым мускулом? Где каждый винтик — живой человек со своим эго, своим графиком и своей тупостью?

На сервере была гильдия-монолит. Пять лет они считались неприкасаемыми богами. У них были традиции, связи, пафос и та самая самоуверенность, которая когда-то сожрала

лучшего ферала планеты. Они сидели на вершине так долго, что перестали замечать, как трещины разбегаются по их пьедесталу.

Я дал себе год, чтобы их похоронить.

Я собрал 125 человек. Разношерстная толпа: студенты с горящими глазами, работяги, выкраивающие час после смены, психи, которых вышвырнули из других гильдий, и тихие гении, которых никто не замечал. Они не были лучшими. Они были никуда не годящимися по меркам топ-сообщества. Именно это мне в них и нравилось.

Моя задача была превратить эту толпу в фалангу. Я перестал быть игроком. Я стал диспетчером. Архитектором. Нервным центром, который видит всё и управляет всем.

Мой день превратился в бесконечный аудит. Я смотрел на логи, на время выхода, на расход ресурсов, на каждую ошибку в тактике. Я приучил их к простому правилу: в моем мире время — это закон. Опоздал на рейд на минуту — ты вне игры. Не выучил тактику — ты балласт. Не подчиняешься общей схеме — ты становишься угрозой для остальных 124.

Люди бесились. Уходили. Плевали в мою сторону. Называли диктатором, роботом, тираном. Но те, кто оставался,

начинали чувствовать то же, что и я — драйв от безупречного порядка. Это чувство невозможно объяснить тому, кто не стоял на поле боя, где каждое движение твоего соседа предсказуемо, как удар сердца. Где ты знаешь: если ты сделаешь свою работу, тот парень слева прикроет тебя, а тот парень справа добьет твою цель.

125 человек начали приходить вовремя не из-за страха. Я показал им: дисциплина — это не цепь. Это кратчайший путь к доминированию.

Мы вели войны на два фронта. В PvP мы вырезали их патрули, как волки вырезают отбившихся оленей. В PvE мы закрывали боссов быстрее, чем они успевали прочесть гайды. Я видел всю гильдию как один огромный билд — только вместо кнопок у меня были люди.

Один игрок — это коготь. Другой — клык. Третий — рефлекс. Кто-то был моими глазами, кто-то — ударной силой, кто-то — щитом, который держит удар, пока остальные перегруппировываются. Я больше не нажимал клавиши. Я отдавал приказы, и система исполняла их быстрее, чем любой механик мог нажать свой скилл.

Мой мозг работал как радар. Как система раннего предупреждения, которая видит ошибку за пять секунд до того,

как она произойдет. Я знал, кто дрогнет, кто сорвется, кто потеряет концентрацию, еще до того, как они сами это понимали. Я видел трещины в нашей фаланге раньше, чем они становились проломами. И я заделывал их, не давая системе рассыпаться.

Через год мы встретились с ними. Пятилетняя империя. Неприкасаемые боги. Им даже не пришло в голову готовиться к войне с толпой отбросов, которую собрал какой-то псих.

Мы размазали их по всем дисциплинам. PvP-турнир — наша победа. Скоростные зачистки рейдов — наши рекорды. Экономика сервера — наш контроль. За один вечер империя, которую считали вечной, рассыпалась, как карточный домик. Их лидеры уходили в офлайн, их лучшие бойцы переходили к нам, их имя стало синонимом слова «бывшие».

Мои 125 винтиков сработали как швейцарские часы. Каждая шестеренка знала свое место. Каждый человек в этой толпе чувствовал себя частью машины, которая перемалывает всё на своем пути.

В чате стоял ор. Люди орали, смеялись, сходили с ума от восторга. Они писали мое имя, называли меня гением, стратегом, богом. Они ждали моего следующего приказа.

Я посмотрел на список имен. 125 человек. Живых, горячих, верящих в меня. Они были готовы идти за мной куда угодно.

И я понял: мне больше нечего им сказать.

Я передал права гильдмастера первому попавшемуся заместителю — парню, который просто оказался онлайн в этот момент. Не объясняя. Не прощаясь. Просто открыл меню, нажал кнопку и закрыл игру.

Крышка ноутбука снова щелкнула.

В комнате было темно, тихо и пусто. Только вентиляторы остывали, да где-то за стеной слышалась чужая жизнь. Я сидел, смотрел на черный экран и чувствовал, как тишина в моей голове становится громче.

Я уволился из этой реальности. Я победил систему, я подчинил толпу, я доказал свою теорему. Но внутри я остался всё тем же семилетним пацаном, который сидит в темной комнате и смотрит в угол, где раньше жил монстр. Только теперь монстра не было. И стены снова начали сжиматься.

125 человек были лишь способом заглушить тишину.

Она вернулась.

— —

Глава 5. Реальные деньги: Блицкриг в 16 лет

В шестнадцать лет я нажал кнопку «Выход».

Виртуальный мир был покорен. Гильдия номер один. Лучший ферал сервера. 125 человек, которые двигались, когда я щелкал пальцами. Я построил империю из нулей и единиц, и эта империя была безупречна.

Но мой мозг, разогнанный до скоростей македонской конницы, требовал новой крови. Пиксели перестали насыщать. Они стали прозрачными, как вода, когда пьешь её слишком долго. Я огляделся по сторонам и увидел реальность — медленную, неповоротливую, спящую. Реальность, полную легких денег для того, кто умеет видеть структуру там, где другие видят хаос.

Я решил применить «Код Универсала» к живому рынку. Если я смог за год построить армию в игре, если я смог взломать бога, который играл лучше всех на планете, почему я не могу построить печатный станок в жизни?

Почему я должен ждать, пока кто-то даст мне разрешение?

Я бросил WoW на пике. В шестнадцать лет у большинства моих сверстников в голове были гормоны, оценки и мечты о новой айфоне. Я уже мыслил категориями систем, потоков, уязвимостей. Я смотрел на мир, как на огромную дуэль-зону, где каждый игрок действует по шаблону, и побеждает тот, кто первым заметит чужую автоматику.

Я перенес тактику «затяжного боя» и «методичного разбора» в бизнес. Там, где другие суетились, я наблюдал. Там, где другие хватались за всё сразу, я выбирал одну точку входа и вгрызался в неё, пока система не начинала кровоточить возможностями.

Для меня деньги никогда не были бумагой. Деньги были очками рейтинга. Счетом, который отражал, насколько чисто ты провел операцию. Я видел рыночные ниши так же, как видел бреши в защите противника на арене — как светящиеся швы, которые ждут, когда по ним ударят. Там, где другие видели риск, я видел алгоритм. Там, где другие видели препятствие, я видел условие задачи, у которой уже есть решение.

Я не «работал» в обычном понимании. Я не ходил в офис,

не стучал по клавишам с девяти до шести. Я проводил экспансию. Я заходил на новые территории, брал их, настраивал, переходил к следующей. Моя жизнь превратилась в серию блицкригов.

Деньги потекли быстро. Слишком быстро.

То, на что у людей уходили десятилетия, я забирал за месяцы. Мой интеллект, подпитанный уроками Наставника, выкованный в дуэлях с богами и отточенный на 125 винтиках, позволял мне просчитывать ходы конкурентов на пять, на десять шагов вперед. Я не воровал, как в детстве. Я не лгал. Я доминировал интеллектуально. Я просто видел дальше, думал быстрее и не делал лишних движений.

В шестнадцать-восемнадцать лет я уже пробовал всё, о чем другие только мечтали. Я покупал то, что хотел. Я строил то, что задумывал. Я выходил из сделок, которые другие считали вершиной карьеры, потому что они были для меня просто очередным уровнем.

И тут захлопнулась ловушка.

Я не заметил, как она захлопнулась. Потому что ловушки не скрипят. Они закрываются бесшумно.

Когда ты в раннем возрасте покупаешь всё, что можно купить, и достигаешь целей, которые казались вершинами, наступает страшная тишина. Это не тишина страха — это тишина закончившейся игры. Я понял, что «взломал» и эту реальность. Социальный успех оказался таким же плоским, как монитор. Деньги — просто цифры. Власть над людьми, которые живут по шаблонам — скука. Признание тех, кто не способен заглянуть дальше своего носа — пустой звук.

Я стал архи-спокойным. Но это было спокойствие мертвой зоны. Не спокойствие воина перед боем. Спокойствие зверя, который обошел всю клетку по периметру, проверил каждый прут и понял: клетка не имеет выхода.

Я зашел в тупик.

Деньги есть. Власть есть. Признание есть. А вызова — нет. Мой мозг, привыкший работать на триста процентов мощности, начал «закисать». Я чувствовал это физически — как замедляется обработка, как тускнеет острота, как мир становится серым и вязким. Я был двигателем, который врубили на холостой ход, и он перегревался от собственного бессмысленного вращения.

Именно тогда, среди полного благополучия, в мою жизнь вернулась она.

Апатия.

Та самая, которую я победил в семь лет, уставившись в глаза монстру. Та самая, которую я сжег бешенством в дуэлях с лучшим фералом. Та самая, которую я заморозил железной дисциплиной 125 винтиков.

Она вернулась не монстром из угла. Она вернулась мной самим.

Я прожил восемь лет в этом вакууме.

Восемь лет я был «успешным». Кларком Кентом, который прячет свою силу, потому что на этой планете просто нет злодеев, достойных его удара. Я носил маску обычного человека, ходил по обычным улицам, делал обычные дела. Но внутри, под этой маской, что-то ждало. Сжималось в пружину. Не знало, куда выстрелить.

Я ждал.

Я не знал чего. Я не знал, что может вернуть мне ту остроту, тот драйв, то чувство живой системы, которая скрипит под твоими пальцами. Я не знал, появится ли вообще противник, достойный моего уровня.

Но глубоко, на самом дне этого архи-спокойствия, я знал одно: эти восемь лет тишины — не смерть. Это подготовка. Самый долгий рейд в моей жизни. Медленная зарядка перед прыжком, который разорвет небо.

Я просто не знал еще, что этот прыжок будет выше, чем всё, что я строил. Что настоящая игра только начинается. И что монстры, с которыми мне предстоит встретиться, не живут ни в шкафу, ни в пикселях, ни в рыночных нишах.

Они живут там, куда я еще не заглядывал.

— —

Глава 6. Режим ожидания: Восемь лет в анабиозе

Мне чуть за двадцать, и я официально «прошел» жизнь.

Деньги есть. Статус есть. Враги повернуты в прах. Конкуренты, которые начинали со мной в одной весовой категории, давно остались на обочине, недоумевая, как какой-то парень без связей и опыта разобрал их бизнес-модели, как дешевые конструкторы. Мой мозг, который в шестнадцать управлял легионами в WoW и строил схемы, подчиняющие себе целые сектора, внезапно оказался в вакууме.

Я сижу в дорогой машине. Или в офисе. Или в квартире, где всё продумано до последней детали. Смотрю в окно и чувствую... ничего.

Абсолютный ноль.

Это не депрессия в обычном понимании. Депрессия — это боль, это туман, это когда ты хочешь, но не можешь. У меня было иначе: я мог всё, но не хотел ничего. Это отказ системы. Представь себе мощнейший суперкомпьютер, который заставляют высчитывать сдачу в супермаркете. Процессоры раскалены, вентиляторы воют, но вся эта мощь тратится на пересчет мелочи. Он начинает перегреваться от собственной ненужности.

Вот кем я стал. Суперкомпьютером, который считает сдачу.

Я вошел в режим гибернации на долгие восемь лет.

Со стороны я казался успешным. Спокойным. Даже мудрым. Люди смотрели на меня и видели человека, который «всё сделал правильно». Я носил правильную одежду, говорил правильные слова, улыбался в нужных местах. Моя маскировка была безупречна.

Но внутри я вел бесконечный, изматывающий диалог с самим собой.

— Это всё? — спрашивал Интеллект. Голос, который когда-то нашел уязвимость в игре лучшего ферала планеты, который собрал 125 винтиков в фалангу, который видел рыночные ниши как светящиеся швы на теле реальности. — Это и есть та «взрослая жизнь», ради которой я усмирал своих динозавров? Ради которой я строил империи и сжигал их дотла?

— Потерпи, — отвечало Тело. Усталое, насыщенное, обманутое. — У нас есть комфорт. У нас есть безопасность. Мы победили. Мы можем просто... быть.

— Мы не победили, — отрезал Разум. Холодный, как лезвие. — Мы застряли. Мы в клетке. Просто клетка теперь позолоченная.

Моя апатия была не слабостью. Она была формой протеста. Я перестал «стараться» наяву, потому что не видел вызова, соразмерного моей мощности. Я знал решение любой бытовой проблемы за секунду до ее возникновения. Я видел людей насквозь — их ложь, их мелкое эго, их предсказуемые ходы, их страх перед тем, что они не могут контролировать.

Мне стало скучно жить, потому что я перестал встречать сопротивление материала.

Когда нет сопротивления — нет и роста. Когда нет роста — начинается гниение.

Я жил как Кларк Кент, который нарочно сутулится и носит очки, чтобы не выделяться. Только моя сутулость была добровольной. Я тратил девяносто процентов энергии не на созидание, не на прорыв, не на то, ради чего я был создан. Я тратил её на то, чтобы казаться обычным. Чтобы моя «психотическая сторона» не вырвалась наружу и не разнесла этот хрупкий, медленный мир к чертям.

Люди вокруг говорили: «У тебя всё есть, живи и радуйся». Они смотрели на меня с недоумением, как на человека, который нашел бриллиант и жалуется, что он тяжелый.

А я смотрел на них и понимал: они не видят того, что вижу я. Они не знают, что такое скорость Ферала. Они не знают, что такое дисциплина Македонского. Они не знают, что значит держать 125 человек в одной системе, когда одна ошибка одного винтика может обрушить всё. Для них жизнь — это прогулка. Для меня это была шахматная партия, которую я уже выиграл и не хотел начинать заново, потому что не видел достойного противника.

Я ждал.

Восемь лет я просто фиксировал время. Не жил — фиксировал. Как биологический таймер, который тикает в пустоте. Я вел эти диалоги сам с собой, разбирая свою личность по косточкам, вычищая остатки уличного кода, выжигая ту грязь, которая когда-то казалась мне свободой. Я готовил «железо» к чему-то, чего еще не было на горизонте.

Я понимал: либо я найду новую систему для взлома, либо мой мозг просто съест сам себя. Восемь лет без нагрузки для процессора, который привык работать на пределе — это смертельный приговор. Медленный. Томительный. Унижительный.

И тогда, спустя восемь лет тишины, я решил совершить «контрольный выстрел».

Я снова открыл ту самую игру.

Не потому, что я хотел вернуться. Не потому, что я скучал по пикселям. Я хотел проверить: я всё еще Архитектор? Или я просто стареющий игрок, чье время вышло? Мой мозг за эти восемь лет стал медленнее? Моя интуиция притупилась? Или зверь, которого я запер в клетке комфорта, всё еще мо-

жет рвать глотки?

Я вошел на сервер, где когда-то не было равных. Игроки сменились, мета изменилась, но кости системы остались теми же. Я выбрал Ферала. Я не тренировался, не разминался, не качал персонажа.

Я просто встал в дуэль-зону.

И выиграл тридцать боев подряд.

Мои пальцы двигались быстрее, чем я успевал думать. Моя интуиция видела комбинации противников за секунды до того, как они их начинали. Моя система была жива. Более того — она была голодна.

Я закрыл игру.

Я получил ответ. Зверь не сдох. Он просто спал, притворяясь ручным. Восемь лет анабиоза не сломали меня — они закалили меня. Как древний клинок, который слишком долго лежал в ножнах, но вышел из них острым, как в первый день.

Я понял: проблема не во мне. Проблема в мире, который слишком мал для моего масштаба. И если мир не дает мне

вызова — я должен создать его сам. Или найти там, где никто не ищет.

Восемь лет тишины закончились.

Мой анабиоз подошел к концу.

— —

Глава 7. Рядом. Та, кто не понимала, но ждала

В его книге эти годы называются «восемь лет анабиоза». А я... я всегда его не понимала.

Я земная. Я не вижу снов. Я не люблю фантастику. Никогда не понимала — но принимала всегда. На сто лет вперед.

Мне хватило того, что я видела в нём и чувствовала. Я готова была убедить весь мир в том, что он и есть потенциал. Он умнее, быстрее и хитрее всех.

Он всегда был трудным. Даже тяжёлым. Порой — как камень. Но тяжести я не ощущала. Я любила.

За глубину. За боль. Его боль. Боль из детства, боль из юности. Я как будто переживала его боль, потому что лю-

била. Я всегда знала: он не про лёгкость. Он про глубину. Он про темноту. Но темноту с оттенком доброты. И детского смеха — но смеха, которым этот ребёнок не посмеялся.

Он писал в своей книге про улицу, про то, как рано кончилось детство. Я читала и думала: вот оно. Тот самый смех, которого не было.

К тому моменту мы пережили разное. Влюблённость, принятие друг друга, ссоры, примирения. Мы были вместе — но не рядом. Жили врозь, встречались.

Он показал мне разную жизнь. Я видела и год анабиоза. Без средств к существованию. Без места. Но это и удивляло: он мог жить там, где обычный человек не выживет. Он мог мыться холодной водой. Мог сидеть за компьютерной игрой ночи напролёт — но не терять острый ум.

Я знала: он проснётся.

Он проснулся. Получил всё то, о чём мечтают сверстники. Деньги. Большие деньги. Но я не видела в нём любви к ним. Да, он любил то, что может позволить себе купить. То, чем может завоевать взгляды и внимание вокруг. Но он как будто понимал: это их приоритеты, не его.

Если это нужно, чтобы сделать счастливыми своих родных — для него это не сложно.

Взлёт был крутым. Полёт высоким. А падение не заставило себя долго ждать.

Я была готова. Он такой. Ему может надоест даже богатство. Я его знала.

И вот настали те дни. Дни апатии.

Его тишина была настолько громкой, что раскалывала стены. А если он начинал говорить — рушилось всё. Это был не крик. Это был рев. Рев зверя, который не хочет так жить, но не имеет сил встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.